

Священник Антоний Афанасьев

КРИТИКА Р. ПЕТТАЦЦИНИ В ОТНОШЕНИИ КОНЦЕПЦИИ ПРАМОНОТЕИЗМА В. ШМИДТА

В данной статье предлагается сравнительный разбор теоретических положений двух выдающихся религиоведов первой половины XX столетия. Австрийский священник Вильгельм Шмидт и итальянец Рафаэль Петтаццини занимались анализом религиозных воззрений первобытных племен и пытались решить проблему происхождения образа верховного существа. К сравнению привлекаются взгляды этих исследователей, потому что каждый из них считал себя сторонником культурно-исторического подхода к изучению верований первобытных народов. Однако в ходе своих исследований они приходят к совершенно разным выводам. Шмидт и Петтаццини вели многолетнюю полемику друг с другом. Особое внимание в статье уделяется различию взглядов Шмидта и Петтаццини на такое ключевое понятие, как «монотеизм». Петтаццини утверждает, что монотеизма в чистом виде не существует даже в современных мировых религиях, и предлагает проследить его особый путь зарождения в лоне политеистических религий. Вильгельм Шмидт оспаривает эту точку зрения и приводит ряд интересных контраргументов.

Ключевые слова: религиоведение, культурно-исторический метод, этнология, монотеизм, политеизм, эволюционизм, верховное существо, прамонотеизм.

В данной статье мы обратимся к рассмотрению многолетней полемики двух крупных религиоведов Вильгельма Шмидта и Рафаэля Петтаццини по вопросу о существовании веры в верховное божество в рамках религий первобытных племен. В данном случае определение «первобытный» употребляется с ограничением — первобытными (или примитивными) называются племена, которые доступны для наблюдения и древнее которых обнаружено не было. В первой половине XX века велась активная дискуссия о том, какой тип верований первичнее — политеизм или монотеизм. И особенно важно сравнить попытки решения этой проблемы, предложенные Петтаццини и Шмидтом, так как оба исследователя причисляли себя к сторонникам культурно-исторического подхода к изучению религий.

В ходе множества предпринятых исследований в сфере этнологии и религиоведения начала XX столетия открылся интересный факт: происхождение веры в верховное существо не может быть сведено, как это считалось прежде, к анимизму, фегишизму, тотемизму и ряду других примитивных религиозных воззрений. На взгляды многих исследователей при этом оказывала влияние популярная в то время теория эволюционизма. Представители культурно-исторического метода в этнологии были убеждены, что им удалось обнаружить в наиболее древних культурах частично сохранившийся образ верховного существа, которому подчинены все остальные существа. И по этой причине Эндрю Лэнг¹, а после него Вильгельм Шмидт и многие другие ученые не сомневались в том, что религиозные верования, обнаруженные у древнейших племен, можно охарактеризовать как монотеистические. А возникновение политеизма в целом является уже более поздней ступенью исторического развития культур. Проблемы,

Священник Антоний Михайлович Афанасьев — магистр богословия, аспирант Санкт-Петербургской духовной академии (aanton10b@mail.ru).

¹ Andrew Lang (1844–1912) — шотландский религиовед, этнограф. Его труды оказали значительное влияние на формирование взглядов В. Шмидта.

обозначенные в исследованиях Шмидта и других членов Венской культурно-исторической школы этнологии рассматривали многие ученые, занимавшиеся историческим религиозиедением. Они имели более или менее отличающиеся точки зрения.

С таким, вкратце обозначенным выше, очень непривычным для того времени взглядом на божество первобытных культур был не согласен итальянский религиовед Рафаэль Петтацони². В 1922 году он написал книгу, посвященную проблеме изучения образа верховного существа. Книга называется «Бог. Небесное существо в верованиях первобытных народов»³. Здесь он рассматривает религии Австралии, Азии, Индонезии, Меланезии, Микронезии, Полинезии, Африки и Америки. Петтацони изучает в религиозно-историческом контексте религии первобытных племен, начиная от политеизма и заканчивая крупными монотеистическими верованиями. Он хочет выделить стадии в формировании понятия «божество», чтобы разглядеть динамику развития этого понятия в истории различных цивилизаций. Петтацони написал один том своего исследования, хотя изначально планировалось еще два. Если взглянуть на конкретные выкладки автора, то можно указать на следующее: на первой фазе развития человечества он выявляет небесный характер верховного существа; считает, что таким его мыслили первобытные люди. Понятие о небесном верховном существе возникло, по его мнению, не вследствие размышления о происхождении вещей, а как мифологическая апперцепция неба, наблюдение за его необъятными размерами: небо считали какой-то всевидящей силой, связывали это с дневным и ночным освещением. Этические качества также приписывали этому существу, в нем видели наблюдателя, судью и карателя за моральные и социальные преступления.

В течение последующих лет Петтацони продолжал свои исследования о верховном существе первобытных людей и его связи с понятием божественности в политеистических и монотеистических религиях. Также он изучал отдельные атрибуты верховного существа и других божественных фигур. Можно обозначить в качестве наиболее значимых его труды «Всеведение Бога» (*L'onniscienza di Dio*. 1955) и «Верховное существо в первобытных религиях» (*L'essere supremo nelle religioni primitive*. 1957). «Всеведение Бога» завершает многолетнюю полемику двух авторов — Шмидта и Петтацони. В этом труде он сосредоточился на рассмотрении аспекта, затрагивающего, главным образом, функции верховного существа, а именно на всеведении, которое понимается как наглядная коннотация, подходящая для описания изначальной роли верховного существа.

В ходе последующих изысканий он изменил свои взгляды на интерпретацию образа верховного существа. Теперь оно не обладало у него чисто уранистическим характером. Автор стремится увидеть, как понятие божества эволюционировало в разных культурах. Например, у первобытных охотников верховное существо мыслилось, главным образом, как господин охоты и повелитель животных. Порой этот образ совпадал с фигурой, очень типичной для многих первобытных мифологий — с демиургом, с ловкачом, нравственно неоднозначной фигурой, связанной с животным миром. А позже появились образы верховного существа, которые по описанию были ближе к персонажам, обнаруженным Шмидтом в историко-культурной этнологии. «Но в целом идея этих существ была существенно обусловлена типом цивилизации, в которую оно было интегрировано, и где небесный элемент постепенно становился

² *Pettazzoni Raffaele* (1883–1959) — итальянский религиовед. В период институционализации в Италии истории религий в качестве самостоятельной дисциплины был одним из первых, кто предложил исторический подход к изучению религий. Основатель итальянской школы истории религий в 20-е годы XX века. Также основал в 1925 году журнал «*Studi e materiali di storia delle religioni*» (Исследования и материалы по истории религий). Написал много трудов, призванных доказать несостоятельность теоретических воззрений В. Шмидта.

³ *Pettazzoni R. Dio. Formazione e sviluppo del monoteismo nella storia delle religioni. L'esserecrestenellecredenze dei popoli primitive* [Бог. Становление и развитие монотеизма в истории религий. Небесное существо в верованиях первобытных народов]. Roma: Societa Editrice Athenaeum, 1922.

всё более и более выраженным» [Bianchi, 1975, 90]. Так автор рассматривает культуры одну за другой, обнаруживая в них образы верховных существ с различными оттенками. Таким образом, мы кратко рассмотрели основную идею, предложенную Петтацони.

И вот какие различия можно обнаружить во взглядах Шмидта и Петтацони. Самое очевидное из них подметил Джузеппе Михельцич, исследовавший научное наследие Петтацони. Он пишет следующее: «Если религия, по Шмидту, является результатом мышления логического и каузального, то, по Петтацони, <...> она является продуктом осмысления мифического и житейского опыта, в котором центральную роль играет персонификация небосвода» [Mihelcic, 2003, 89]. Шмидт убежден в существовании изначального монотеизма, чистого и морального, «по отношению к которому политеизм является формой, хронологически более поздней и представляющей собой культурную деградацию» [Ibid, 88]. У Петтацони же, напротив, видна прогрессирующая эволюция в становлении образа верховного существа. Шмидт настаивает на том, что «этический первоначальный монотеизм был выражением каузального, логического и рационального мышления, которое, находясь в гармонии с глубинным требованием духа, само по себе и в своей потребности познавать и понимать, предлагает картину происхождения и порядка космоса, дает простой ответ, который выражается в терминах некоей веры в первопричину личностную, творческую и всемогущую. Первобытные люди, будучи наиболее близкими к первобытному откровению, <...> могли постичь многогранную гамму божественных атрибутов в едином комплексе, собранных воедино в одном верховном существе, которое является одновременно творцом, законодателем, отцом и судьей, и всеведущим и благим» [Ibid]. А Петтацони, напротив, полагает, что в каждой культуре мышление человека было ограничено и обусловлено какими-то внешними обстоятельствами и не было способно к логическим операциям, могло оперировать лишь чувственным опытом, не доходя до вопросов о причине всех вещей. У Шмидта, таким образом, мы находим взгляд на первобытного человека как обладающего полноценным мышлением. А воззрения Петтацони пронизаны идеями эволюционизма.

Подводя итоги сравнения концепций двух исследователей, Михельцич отмечает: «Взгляды Шмидта, очевидно обусловленные библейско-теологическими предпосылками, входили в резкое противоречие со взглядами Рафаэля Петтацони, так как идея истории религий, которую он (Шмидт) предлагал, имела характер прогрессивной деградации, которая, со времен библейского откровения, вызывала появление менее возвышенных элементов, омрачающих первоначальную чистоту» [Ibid, 89].

Также Михельцич отмечает, что в трудах Шмидта и его школы проблема первоначальной формы религии становится чисто теологической и апологетической, и здесь применяются категории христианских традиций при определении образов и функций верховных существ, присутствующих в религиях общества, склонного к антропоморфизмам. А Петтацони полагает, что теория прамонотеизма построена на заблуждении, заключающемся в приписывании понятия «монотеизм» простому образу верховного существа, и в этой теории идею Бога, характерную для библейского миропонимания, переносят на древнейшие общества, для культур которых эта идея является совершенно чуждой.

Интересно, что Петтацони признавал частичную историческую и типологическую связь между верховным существом первобытного мышления, политеистическими божествами и единым Богом в монотеистических религиях. Несмотря на это, он был убежден в том, что относительно более полный монотеизм можно обнаружить лишь в великих религиях ветхозаветных времен: в иудаизме, мадаизме, христианстве или исламе. Он заявлял, однако, что приписывать монотеистический характер первобытным религиям нельзя, ибо это влечет за собой ошибки в исторической перспективе. Согласно взглядам Петтацони, монотеизм предполагает факт существования политеизма, но не потому, что первый развивается из второго. «Напротив, зарождение монотеизма можно представить как революционное движение,

всякий раз возникающее, когда пророк или какой-то религиозный лидер отвергает всех других богов с целью утвердить, уверить в существовании одного, единого бога» [Bianchi, 1975, 95]. И автор старается подкрепить это утверждение конкретными примерами из Библии, естественно, толкуя их в указанном выше смысле. «Действительно, если мы рассмотрим три крупные религии, которые исторически можно обозначить как классические монотеистические, — я имею в виду иудаизм, христианство, ислам, — то мы обнаружим, что в каждой из них провозглашению единого Бога всегда сопутствует отрицание всех других богов» [Pettazzoni, 1923, 196].

Итальянский исследователь Бьянки⁴ говорит, что нет необходимости непременно соглашаться с утверждением Петтацони о том, что монотеизм всегда предполагает такую революцию в отношении политеизма, так как эта теория стремится ассимилировать два сильно отличающихся друг от друга элемента: элемент революционного характера в монотеизме и скрытое или явное присутствие в монотеизме критического подхода в отношении других мировых религий. Второй элемент, по мысли Бьянки, имеет больше прав на существование. Ведь не обязательно монотеизм выходит из отрицания чисто политеистических воззрений. Напротив, он может быть обнаружен на базе каких-то религиозных культов и практик, которые по своему содержанию, можно сказать, соперничают с «истинным» богочитанием. Другими словами, монотеизм — это не просто контраргумент против «многобожия», это не просто тот монотеизм, который можно найти в нынешних мировых религиях. «И поэтому неуместно сводить монотеизм к монотеистическо-политеистической диалектике», предлагаемой в революционной теории возникновения монотеизма Петтацони» [Bianchi, 1975, 95].

Шмидт был хорошо знаком с критическими замечаниями Петтацони в свой адрес и охотно отвечал на них. Венский ученый читал высказывания Петтацони о том, что верховное существо есть не более чем продукт персонификации, который произведен человеческой фантазией, той интуитивной деятельностью, конечным продуктом которой является миф. И что верховное существо является лишь чувственной персонификацией неба. Однако сам Петтацони, по убеждению Шмидта, «видит, что персонифицирование неба вызывает серьезные затруднения вследствие недостатка в наглядности. И поэтому уже столь сведущий мифолог, как Эренрайх⁵, в своем труде «Боги и носители святости»⁶ отказался принимать реальную персонификацию неба в качестве ранней ступени развития человечества, на которой, однако, уже отчетливо присутствует верховное существо» [Schmidt, 1930, 203]. Шмидт развивает идею, что Петтацони сам видит слабость своей теории и пытается спасти её утверждением о том, что происходит такой особый вид персонификации, как прибавление образа некоего существа, которое действует позади всех небесных явлений и объединяет их в себе, это некий менее отчетливый образ с менее определенными очертаниями, которая представляется субститутом в характеристиках величия, высочайшей силы и единства, которыми могло обладать только небо. «Петтацони сам чувствует, что здесь и находится смертельно слабый пункт в его теории. В действительности, она слаба сама по себе. Ведь своего рода «малая» персонификация вообще не является персонификацией, так как ей недостает существенной интуиции — простоты. Существо, которое живет на небесах, которое стоит за всеми небесными явлениями и которое должно лишь объединять в себе различные явления, вовсе не является персонификацией неба. Теория здесь является слабой также и в отношении фактов» [Ibid, 203–204]. И далее он поясняет, что утверждение о том, что образы верховного

⁴ Bianchi Ugo (1922–1995) — итальянский религиовед, был учеником Р. Петтацони и убежденным приверженцем исторического подхода к рассмотрению религиозных феноменов. Был президентом «Итальянского общества истории религий», президентом «Международной ассоциации истории религий».

⁵ Ehrenreich Paul (1855–1914) — немецкий этнолог и антрополог. Занимался сравнительным изучением мифологии. Был членом «Берлинского общества антропологии, этнологии и древнейшей истории».

⁶ Ehrenreich P. Götter und Heilbringer. Berlin, 1906.

существа у древнейших народов имели менее ясные, менее определенные очертания, чем другие образы (например, образ неба или луны), является неверным. Шмидт приводит примеры из верований племен андаманцев, семанг, центрально-калифорнийцев и жителей Огненной Земли, из которых видно, что, по сравнению с солнцем и луной, образ верховного божества отличается большей индивидуализированностью. А стирание очертаний этого образа начинает происходить лишь намного позднее. «Именно потому, что материальное небо даже психологически невозможно персонифицировать до уровня единого индивидуального образа, рушится и попытка Петтаццони неразделенностью небосвода объяснить единство верховного существа» [Ibid, 204]. Ведь персонификация здесь должна означать помещение какой-то личности на небеса. И тогда Шмидт задает логичный вопрос: а почему это должно быть лишь одно существо, а не несколько сразу? Ведь вполне возможно помыслить, что одно существо мечет молнии, другое посылает дождь и т. д.

Обозревая труд Петтаццони о становлении и развитии религий, Шмидт испытывает разочарование. Он отмечает, что здесь представлена лишь подборка собранного в различных географических провинциях материала, который затем претерпел грубое упорядочение. Также здесь отсутствует попытка установить связь между образами отдельных небесных существ посредством выявления объективных исторических связей и объединить эти отдельные связи в более крупные культурные группы. Шмидт указывает, что ни с фактологической, ни с методологической точки зрения этот труд Петтаццони не выдерживает критики.

Касательно отношения Петтаццони к культурно-историческому методу в варианте Венской школы этнологии следует отметить, что он имел довольно сдержанную позицию, в которой не было полного неприятия этого метода. В своем докладе «Становление монотеизма» («La formation du monotheisme»), произнесенном в Париже в 1923 году и в опубликованном в журнале «Revue de l'Histoire des Religions» он отмечает, что «несмотря на то, что он высоко ценит культурно-исторический метод, сам он не в состоянии применить его, и что он, будучи в сфере религиоведения лишь критиком, должен дожидаться, когда этот метод будет применяться этнологами» [Ibid, 205]. И добавляет, что в своих трудах он приводит материалы, почти не прорабатывая и не рассматривая их при помощи этнологических приемов. Это признание автора, вероятно, можно рассматривать как указание на некую степень недостаточной глубины проработки материала.

Указанная выше статья дает весьма полное представление о взглядах Петтаццони на монотеизм. На первых её страницах он рассматривает различные варианты понимания самого термина «монотеизм» с отсылкой к конкретным культурам и их религиям, и постепенно отсеивает те понятия, которые, по его мнению, не подходят для характеристики данного явления. Однако далее Петтаццони отмечает следующее: «С другой стороны, можно сказать, что не существует религии, которая была бы абсолютно и совершенно монотеистической. История религий не знает монотеизма в чистом виде: повсюду и всегда монотеизм предстает в большей или меньшей связке с элементами политеизма. В известных случаях идея монотеизма проявляется (в различных формах) как верования, доступные лишь какой-то отдельной группе людей: элите — жрецам, как это было в Египте или Вавилоне, мыслителям, как в Индии или Греции, — которые никоим образом не мешают быть приверженцами религии, исповедуемой широкими массами людей, религии полностью политеистической, как в вероучительном плане, так и в практическом осуществлении» [Pettazzoni, 1923, 195]. И тут же он добавляет, что даже с ортодоксальной точки зрения, которую отстаивает Вильгельм Шмидт, подлинный и действительный монотеизм не исключает того, что наряду с одним и единственным верховным существом, признают и поклоняются еще и другим высшим существам. В отношении указанных выше высказываний Петтаццони можно отметить, что он слишком легко записывает в число сторонников своих убеждений такого религиоведа, как Шмидт. Вообще, формулировка монотеизма, данная итальянским автором, не может быть признана

верной. Если с ней согласиться, то, действительно, все религии мира окажутся политеистическими. Он не учитывает таких особенностей, как разные виды поклонения, почитания тех или иных существ в различных религиях. Например, в ортодоксальном христианстве этот вопрос проработан очень серьезно, и кажется, такой компетентный религиовед просто не может быть с ним не знаком. Так, очевидно, высказываясь о христианстве, он отмечает: «Верование и поклонение единому Богу является религией целого общества, религией, которая не перестает быть монотеистической в своей совокупности при том, что она вмещает в своем лоне вторичные политеистические тенденции. Именно в этом последнем случае монотеизм реализуется наиболее полно как с субъективной точки зрения, ибо исповедуют его все люди (или, по меньшей мере, весьма значительное большинство), так и с объективной точки зрения, ведь здесь не допускается возможность существования какого-либо другого божества наряду с Богом единым» [Ibid]. Это — еще одно наглядное подтверждение того, какую тактику выбирает Петтацони для полемики со Шмидтом. Он стремится вложить совершенно другое содержание в понятие монотеизма и на этом основании утверждает несостоятельность попыток обнаружить подлинный монотеизм где бы то ни было.

Петтацони уделяет внимание и предшественнику Шмидта — Э. Лэнгу, который говорил о существовании понятия о верховном существе в верованиях некоторых древнейших племен Австралии. Он отмечает, что Лэнг приложил много стараний, чтобы привлечь внимание ученых. Утверждения Лэнга, по мнению Петтацони, представляют собой длинный ряд аналогий и совпадений, призванных противостоять скептицизму эволюционистов — Тейлора и многих других. Последние никак не могли избавиться от подозрений (как полагает Петтацони, часто вполне оправданных), что образы верховных существ в верованиях первобытных племен сформировались под влиянием занесенных сюда христианских или мусульманских воззрений. И Петтацони справедливо отмечает, что идеи Лэнга были подхвачены многими весьма усердными учеными, которые «стремились разглядеть в верховных существах религий нецивилизованных народов образцы очень древнего первоначального монотеизма» [Ibid, 210]. Петтацони считает, что «преувеличения» Лэнга касательно веры в верховное существо вполне обоснованно раскритиковал Сидней Хартланд⁷, и важно, что сделал он это «не выходя за рамки ментальности первобытной цивилизации» [Petazzoni, 1923, 211]. В этой мысли обнаруживается характерное для эволюционистов представление о низком развитии ментальных способностей первобытных людей. «Всё это не мешало Шмидту построить на основе интуиции Лэнга и при помощи очень крупных исследований и широкой дискуссии о данных этнологии (прежде всего, религиозной), теорию о происхождении идеи Бога, согласно которой монотеизм наличествовал в самых началах истории человечества, будучи первой и изначально единственной формой религии» [Ibid]. В такой критике сразу же слышится упрек в том, что этнология, которая поставляла данные для теории Шмидта, была религиозной, а значит, не совсем объективной. Петтацони отмечает, что Шмидт был практически единственным защитником идеи изначального абсолютного монотеизма.

В целом в религиоведении Петтацони наблюдает отход от эволюционистского скептицизма Тейлора и признание более или менее отчетливого существования древнейших верований в верховное существо. Он приводит имена таких ученых, как Дюркгейм, Эренрайх, фон Шрёдер, Фукарт, Гольденвайзер, Зёдерблом. Последний, кстати, отмечает, что «до сих пор еще никто не предпринимал обобщающего исследования верховных существ австралийцев с такой языковой и этнографической компетентностью» [Söderblom, 1926, 125]. Но все они не осмеливаются признать изначальный монотеизм. Петтацони утверждает, что эволюционистский скептицизм и прамотеистическая экзальтация ныне уже отвержены наукой, и сам предпочитает придерживаться умеренной позиции, то есть признает наличие образов верховных существ в первобытных верованиях нецивилизованных народов, но всё это никак

⁷ Hartland Sidney Edwin (1848–1927) — английский этнолог, мифолог, антрополог, фольклорист.

не позволяет принять факта существования изначального монотеизма. Такая очевидная двойственность в суждении Петтаццони отражает, в сущности, отсутствие у него какого-то определенного взгляда на существование изначального монотеизма.

В заключение следует отметить, что Петтаццони, говоря о соотношении приведенных в рамках своей собственной теории происхождения религий результатов с этнологическими наработками современности, отмечает: «Только по причине той важности, которую эта теория может иметь, в первую очередь, для всеобщей истории религий, я надеюсь, что был справедлив, предвосхищая окончательные выводы этнологии. Но этнология уже и теперь свидетельствует, пусть даже в частичной и предварительной форме, о своей готовности улучшить эту теорию, или даже отвергнуть её в тот день, когда она станет несостоятельной на фоне последующего продвижения науки, независимо от того, будет ли это этнология или что-то другое» [Schmidt, 1930, 206]. А Вильгельм Шмидт своей критикой в отношении теории Петтаццони уже в те годы указывал, что этнология и религиоведение, применяя культурно-исторический метод исследований, обнаружили несостоятельность теории происхождения религии, выдвинутой выдающимся итальянским религиоведом.

Источники и литература

Bianchi (1975) — Bianchi U. *The history of religions*. Leiden: E. J. Brill, 1975.

Mihelcic (2003) — Mihelcic G. *Una religion di libertà. Raffaele Pettazzoni e la scuola romana da storia delle religioni*. Roma: Città Nuova Editrice, 2003.

Pettazzoni (1923) — Pettazzoni R. *La formation du monothéisme // Revue de l'histoire des religions*. Vol. 88. 1923. P. 193–229.

Schmidt (1930) — Schmidt W. *Ursprung und Werden der Religion. Theorien und Tatsachen*. Münster: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1930.

Söderblom (1926) — Söderblom N. *Das Werden des Gottesglaubens. Untersuchungen über die Anfänge der Religion*. Leipzig, 1926.

References

Bianchi (1975) — Bianchi U. *The history of religions*. Leiden: E. J. Brill, 1975.

Mihelcic (2003) — Mihelcic G. *Una religion di libertà. Raffaele Pettazzoni e la scuola romana da storia delle religioni*. Roma: Città Nuova Editrice, 2003.

Pettazzoni (1923) — Pettazzoni R. *La formation du monothéisme*. In : *Revue de l'histoire des religions*, vol. 88, 1923, pp. 193–229.

Schmidt (1930) — Schmidt W. *Ursprung und Werden der Religion. Theorien und Tatsachen*. Münster: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1930.

Söderblom (1926) — Söderblom N. *Das Werden des Gottesglaubens. Untersuchungen über die Anfänge der Religion*, Leipzig, 1926.

Priest Anthony Afanasyev. Raffaele Pettazzoni Criticism of Wilhelm Schmidt's Conception of Urmonotheismus.

In this article, the author offers a comparative analysis of the theoretical positions of two outstanding religious scholars of the first half of the 20th century. The Austrian priest Wilhelm Schmidt and the Italian Raffaele Pettazzoni studied the religious views of primitive tribes and tried to solve the problem of the origin of the concept of a Supreme Being. The views of these researchers are shown in comparison with each other, because each of them considered himself a supporter of the cultural-historical approach to studying the beliefs of primitive peoples. However, in the course of their research, they came to completely different conclusions. Schmidt and Pettazzoni wrote polemical treatises against each other for many years. Particular attention is paid in the article to the difference between the views of Schmidt and Pettazzoni on such a key concept as "monotheism". Pettazzoni states that monotheism in its pure form does not exist even in modern world religions, and suggests tracing its special way of originating out of polytheistic religions. Wilhelm Schmidt disputes this point of view and gives a number of interesting counterarguments.

Keywords: Religious Studies, cultural-historical method, ethnology, monotheism, polytheism, Evolutionism, supreme being, Urmonotheismus.

Priest Anthony Mikhaylovich Afanasyev – Master of Theology, Graduate student at St. Petersburg Theological Academy (aanton10b@mail.ru).